

© В.В. ШЕВЦОВ

totleben@yandex.ru

УДК 94.081(571.1)

**ОТ «ТОМСКИХ ГУБЕРНСКИХ ВЕДОМОСТЕЙ»
К «ГОЛОСУ СВОБОДЫ»: ОФИЦИАЛЬНАЯ ГАЗЕТА
ТОМСКОГО ГУБЕРНСКОГО НАРОДНОГО СОБРАНИЯ
В ПЕРИОД РЕВОЛЮЦИИ 1917 ГОДА»**

АННОТАЦИЯ. В статье рассмотрена история возникновения печатного органа Томского губернского народного собрания — «Голоса свободы», пришедшего в 1917 г. на смену дореволюционным «Томским губернским ведомостям». Представлены основное содержание газеты, условия ее выхода, изменения в оценке происходивших событий в Томской губернии и России событий.

SUMMARY. The author considers the history of «Freedom Voice» — newspaper of Tomsk's Popular Assembly, which replaced pre-revolutionary «Tomsk Provincial Bulletin». The main content of the newspaper, the terms of its publishing, the change in the estimation of events in Tomsk and Russia are given a thorough study in the article.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Революция 1917 года, народное собрание, официальная периодика.

KEY WORDS. Revolution of 1917, popular assembly, official periodicals.

Среди дореволюционных газет губернские ведомости были единственными, просуществовавшими восемьдесят лет в Европейской России и шесть десятилетий в Сибири, не прерываемые цензурными приостановками, сменой редакторов, финансовыми затруднениями или изменениями во внутренней политике. 15 августа 1917 г. «Томские губернские ведомости» должны были отметить круглую дату в своей истории — 60 лет выхода в свет первого номера, но встретили ее уже в другом статусе. Февральская революция привела к смене власти в Томской губернии — томская городская дума образовала Временный Комитет общественного порядка и безопасности, во главе которого встал адвокат Б.М. Ган. Томский губернатор В.Н. Дудинский был арестован [1]. С 20 апреля 1917 г. началась работа Томского губернского народного собрания — первого в России революционного органа власти, созданного на основе местных выборов. Во главе губернского исполнительного комитета собрания встал Б.М. Ган, чьи полномочия были подтверждены Временным правительством [2]. Печатным органом новой революционной власти первоначально были «Известия Томского временного комитета общественного порядка и безопасности», выходившие 3 раза в неделю и представлявшие собой листки с текстом в одну колонку. «Известия» распространялись бесплатно с призывом по прочтении передавать их друг другу [3].

5 марта 1917 г. вышел последний №10 «Томских губернских ведомостей», с № 11 от 12 марта они сменили заголовок и стали выходить как «Известия Томской губернии» (до № 30 от 16 июля 1917 г.). С 25 марта 1917 г. Временный Комитет общественного порядка и безопасности приступил к изданию своей собственной полноценной газеты — ежедневных известий в четыре страницы под названием «Голос Свободы» (затем, после выборов, они стали органом Томского губернского народного собрания). В рекламном объявлении о подписке говорилось, что в «Голосе Свободы» будут помещаться «статьи, отчеты, обзоры, хроника губернской жизни, телеграммы и политические фельетоны о революционном перевороте, новой власти, Учредительном Собрании и др». С отменой цензуры сама необходимость в «программе издания» отпала, писать стало возможным обо всем (особенно показательной в этом отношении была концовка этого предложения — «и др.», немыслимая в дореволюционный период).

Редактором «Голоса Свободы» стал секретарь Комитета общественной безопасности присяжный поверенный М.Б. Шатилов, вступивший после февраля 1917 г. в партию социалистов-революционеров [4], [5]. М.Б. Шатилов также вошел в образованное при Комитете информационное бюро, целью которого было оповещение граждан о постановлениях Комитета, подготовка и рассылка его сообщений в газеты губернии.

Нагрузка на губернскую типографию возросла многократно — приходилось печатать не только «Известия Томской губернии» и «Голос Свободы», но и обращения к гражданам губернии, бланки для новых властных учреждений, избирательные бюллетени политических партий, газеты других политических объединений. Работа шла в ночную смену, не хватало наборщиков, за помощью в тиражировании постановлений народного собрания приходилось обращаться к частному «Товариществу сибирского печатного дела» [6]. Типографские материалы и топливо «отпускались» из частных магазинов. Для получения бумаги и типографской краски отправлялись запросы в Петроградский бумажный комитет (с оплатой «живыми деньгами»). В июне было принято решение о расширении сметы на издание газеты, закупке для нее новых шрифтов и стереотипного оборудования [7].

Главным органом для местной официальной газеты был «Вестник Временного правительства» — ежедневная газета, сменившая «Правительственный вестник». В ней публиковались обращения Временного правительства, отчеты о его заседаниях, законы и законопроекты, распоряжения, дипломатические ноты, информация с фронтов. 1 июля 1917 г. товарищем министра внутренних дел Д.М. Щепкиным был отправлен запрос губернским комиссарам о положении, занимаемом губернскими ведомостями в качестве местного официального органа. На этот запрос Б.М. Ган ответил: «Издание самостоятельного органа губернского комиссара в провинции нецелесообразно: содержание такого органа делает его (в большей части) совершенно неинтересным для населения; деньги, израсходованные на его издание, в сущности — выбрасываются на ветер; изменение содержания таких известий при бедности провинции газетными работниками — невозможно». Томский губернский комиссар считал необходимым прекратить издание «Известий Томской губернии» и вместо них издавать земскую «беспартийную» газету, в которой бы и публиковалась вся исходящая от центральной и местной власти информация. Такой газетой должен был стать

«Голос Свободы». Штат служащих газетного стола упразднился и все суммы, поступаемые от объявлений, также как и долги губернского управления и других лиц и учреждений передавались в ведение новой редакции.

В №30 «Известий Томской губернии» от 16 июля 1917 г. сообщалось об упразднении их как отдельного издания и объединении с «Голосом Свободы», в котором содержание прежних «Известий» было вынесено в «Официальный отдел», располагавшийся на последней странице. По прежнему никакое из мест и лиц не могло отговаривать неведением относительно того, что было объявлено в официальном органе Томского губернского народного собрания. С 1 августа 1917 г. под №100 (1) газета стала выходить ежедневно как «Голос Свободы (Известия Томской губернии)», с 8 августа с двойной нумерацией — №106 — «Голос Свободы» и №31 «Известия Томской губернии» (с № 179(104) от 12 ноября 1917 г. газета издавалась нерегулярно).

В качестве источников заимствования статей и передовых выступали столичные эсеровские («Земля и Воля», «Воля народа», «Труд»), меньшевистские («Новая жизнь», «Рабочая газета») и большевистские газеты («Социал-демократ», «Вперед»), а также «Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов» и «Известия Московского Совета рабочих и солдатских депутатов». Из местных газет есть ссылки на меньшевистскую газету «Единение» (Иркутск), эсеровский «Наш голос» (Красноярск), «Известия Красноярского Совета рабочих и солдатских депутатов», социал-демократический «Голос Сибири» (Новониколаевск) и «Знамя революции» — орган томского Совета рабочих и солдатский депутатов.

В первые месяцы издания «Голоса Свободы» февральская революция осмысливалось как рубежное, эпохальное событие в русской истории, навсегда отделившее ее темное прошлое от светлого будущего: «свободная жизнь» (№4, 30 марта), «день рождения русской свободы» (№27, 2 мая), «солнце свободы» (№45, 26 мая, перепечатка из «Земли и воли») и т. д. Перед новой властью вставали такие задачи как «политическое просвещение народа» (№49, 31 мая), преобразование армии на демократических началах (№45, 26 мая, перепечатка из «Рабочей газеты»), «уничтожение обломков старого строя и очагов черносотенства» (№46, 27 мая), «перераспределение производительных сил» (№46, 27 мая, перепечатка из «Единения»). «Живому», «новому» уступало место «старое», «отжившее» — монархический режим, как и историческое прошлое России, описывались исключительно в негативных дискредитирующих выражениях (преимущественно, эмоциональных, обобщенных, не подкрепленных логико-фактической аргументацией): «Уже к 18 годам он [Александр II] истощил себя пьянством, развратом и бессонными ночами, проводимыми в кутежах и картежной игре. Впоследствии он проиграл в карты американцам Аляску...» (№66, 20 июня); «... верные рабы Николая II гноили десятки тысяч лучших людей в ссылке, тюрьмах и на каторге...» (№47, 28 мая); «... Россия была лишь жирным пирогом, кормившая бесчисленную свору царской фамилии, чиновников и дворян» (№48, 29 мая) и т.д. Недавние участники политической жизни страны — «правые», «октябристы», «прогрессисты» определялись как «палеоантропологические породы», «помпейские остатки» (№ 49, 31 мая); гласные до-революционной томской городской думы как «старые безответственные заправилы города», «бывшие всесильные» (№ 52, 3 июня). Люстрации, путем опу-

бликования членских списков, были подвергнуты участники «Союза русского народа» (№145, 28 сентября; №146, 29 сентября).

Если на первых порах продовольственный кризис и неудачи на фронте возможно было объяснять «предательской политикой» царских министров и непригодностью Николая II к управлению страной, то в дальнейшем, самодержавие как тема для критики была практически забыта и основной мишенью стала буржуазия — «наша буржуазия не в состоянии преодолеть свою классовую ограниченность» (№45, 26 мая, перепечатка из «Рабочей газеты»); «Народ голодает <...> а между тем, буржуазия расточает народное богатство и производственные силы страны для удовлетворения всяких своих причуд и прихотей» (№51, 2 июня); «Буржуазия дезорганизовывает производство и усиливает разруху, и без того, дошедшую до крайности» (№76, 2 июля) и т. д.

Если проследить эволюцию отношений «Голоса Свободы» к Временному правительству, то от его безусловной поддержки как легитимного органа власти в марте-апреле 1917 г., с конца июня стало преобладать критическое к нему отношение. В передовой «Томск, 28 июня» прямо утверждалось, что «Временное правительство, состоящее в большинстве своем из представителей капиталистической и помещичьей буржуазии, не в силах решительно и твердо проводить в жизнь требования трудового народа, во всем их объеме» (№73, 28 июня). Министры-социалисты определялись как «адвокаты хозяйских интересов» — «зовут себя все они социалистами, но не защищают социализм, не представляют интересы рабочих, а являются к нам ходатаями за “бедных” промышленников» (№74, 29 июня). Фигура А.Ф. Керенского как «представителя демократии», «министра-революционера» (№45, 26 мая, перепечатка из «Земли и воли»; №57, 9 июня, перепечатка из «Новой жизни»), после корниловского мятежа, хотя и не подвергалась прямой критике, перестала появляться в передовых и проблемных статьях (о председателе Временного правительства упоминалось лишь в официальных сообщениях).

С конца мая «Голос Свободы» стал акцентировать тревожные настроения по поводу будущего России и Сибири, на читателя повеяло безысходностью ситуации (что контрастировало с уверенным тоном большевистской печати, предлагавшей конкретные и радикальные меры). Например, в передовой «Томск, 30 мая» отказ союзников от заключения мира без аннексий и контрибуций рассматривался как «угроза бесконечной войны, которая убьет нашу родину, погубит добытые нами свободы... Неужели нет выхода у нас? Неужели мы бессильны?» (№48, 29 мая). В статье «Почему нет хлеба, одежды и обуви» (№52, 3 июня) в качестве основной причины такой ситуации, естественно, называлась война, но не предлагалось каких-либо действий к исправлению ситуации, а в завершении делался вывод, который никак не мог вызвать оптимизма у читателя: «... от недели к неделе, от месяца к месяцу будет все меньше и меньше этих предметов». В статье «С фронта (из писем сибиряка)» (№51, 2 июня) сибирского писателя, уроженца Томской губернии Г.Д. Гребенщикова, приводя факты из собственного опыта, пытался опровергнуть «все крики о развале армии, о безобразиях на железных дорогах, об анархии» как сплетни и клевету на русскую демократию со стороны буржуазной печати, в том числе и местной («Сибирской жизни», «Иркутской жизни» и других). В отчете о первом месяце работы Томского городского народного собрания с «уверенностью» говорилось, что оно «вполне справится со всеми возложенными на него обязательствами, оно выяснит финансово-

денежную сторону в городской отчетности и сумеет вывести город из состояния хронической дефицитности, оно не забудет трудящиеся массы и интересы последних положит в основу своей деятельности» (№52, 3 июня). Но такой уверенности не было у жителей Томска, слова официальной власти о том, что «приняты все меры к обеспечению города самыми необходимыми продуктами питания и топлива», по негласному закону всех революций, как раз и означали, что продовольственный и топливный кризис будут только усиливаться. Статья «В хвостах», написанная на основе впечатлений от городских очередей за продуктами, должна была взывать у читателя размышления о необходимости успокоения и терпения, но на деле лишь печатно воспроизводила ту озлобленность и ожесточение, которые нарастали против новой власти с каждым днем: «Мясной хвост. Настроение кровожадное. Холодно и скучно ожидать. В ход пускаются языки, редкий молчит. Слышно: “Ну и времячко... порядки... все забрали... все съели... все за себя... грабители ... а ведь все было... куда девалось...”» (№160, 15 октября). Не внушали уверенности в завтрашнем дне и статьи с названием «Паралич власти» (№53, 4 июня) и «У грани» (№157, 12 октября). В последней, европейская часть России рассматривалась как территория «своя», оказавшаяся в тяжелой ситуации, но одновременно и как «чужая», откуда исходила опасность для Сибири: «Страна — у рани бедствий. Развал хозяйственный, финансовое банкротство, крах транспорта — все это теперь уже не пустые страхи. Черный призрак голода, беспорядка и анархии надвигается к нам с Запада, из-за Урала вместе с тысячами семей беженцев, отпускаемых, измученных солдат и т.д.»

Местные события органа Томского губернского народного собрания освещал достаточно полно, и по газете можно составить их подробную хронику. Публиковались стенограммы заседаний Томского губернского народного собрания (по вопросу о формах землепользования, состоянии народного образования, о железных дорогах и т.д.), сообщалось об организации и деятельности народных собраний в селах и городах губернии, о деятельности Томского Совета рабочих и солдатских депутатов, работе Сибирского областного съезда, подготовке и выборах в Учредительное собрание. Необходимо отметить, что в животрепещущем для всей страны и для сибирских крестьян вопросе о земле «Голос Свободы», как и исполнительный комитет, следовали за официальной позицией Временного правительства, запрещавшего самовольные захваты земель до созыва Учредительного собрания. При этом газетные публикации описывали ситуацию в европейской части страны, хотя для Сибири был актуальным вопрос не о частновладельческих, а о Кабинетских землях, а также вопрос о дальнейшем продолжении переселенческой политики.

В рубриках «Хроника», «По Сибири», «По революционной Сибири» содержались мелкие сообщения, представлявшие важнейший интерес для повседневной жизни рабочих, служащих, крестьян и других слоев населения — о борьбе со спекуляцией и самогоноварением, о размерах максимальной наценки на товары, о распределении топлива, о сборах и платежах, об организации профессиональных союзов и потребительских кооперативов, о закрытии «домов терпимости» и трудоустройстве их служительниц, об открытии историко-филологического и физико-математического факультетов Томского университета и т.д.

Как и другие провинциальные газеты периода революции, «Голос Свободы» был сопричастен вопросам мирового масштаба, не связанным с текущей политической и экономической жизнью Сибири. Так, 27 мая 1917 г. в редакцию газеты

поступила просьба о напечатании протеста против вынесения австрийскому социалисту Ф. Адлеру смертного приговора — «Томский губернский исполнительный комитет протестует с глубоким негодованием против акта смертной казни, позорящего все человечество и отвергнутого Российским Временным Правительством» [8]. Несмотря на исходящие от самого Комитета призывы к спокойствию №47 от 28 мая вышел со строкой на развороте — «Граждане, на улицу! Протестуйте против смертного приговора Фридриху Адлеру!». Дело «застрельщика в борьбе за братство народов» (Ф. Адлер в 1916 г. застрелил министра-президента Австро-Венгрии Карла фон Штюргка) должно было организовать в Томске митинг и шествие к площади Свободы (бывшая Новособорная).

Отвлеченными не только от современной, но и будущей социальной действительности, были рассуждения о задачах грядущих революционных преобразований, мыслимые как грандиозные и кажущиеся неосуществимыми не только читателю, но даже и их пропагандистам. Например, в передовой «Томск, 31 мая» писалось следующее: «Ведь перед нами территория, охватывающая шестую часть суши, полтора ста миллионов, сотни племен. И этот многоплеменный народ, почти вчера еще живший “в вечном мраке”, подобно мифическим киммерийцам Гомера, сегодня призван к государственному строительству в формах и пределах, которых не знает ни одна передовая демократия запада». (№49, 31 мая).

Будущее обновление России мыслилось в категориях веры, чем рациональных возможностей, при этом очевидно было, что полный разрыв с прошлым невозможен, основные недостатки русского общества никуда не делись, а благополучно перешагнули из февраля в «дни свободы»: «Беспорядок и хаос, царившие при старом режиме, продолжают и поныне» (№52, 3 июня); «Со всех концов Сибири идут тревожные известия о развитии самогонного производства» (№60, 13 июня); «Низкий культурный уровень массы — тяжкое наследие прошлого...» (№157, 12 октября, перепечатка из «Новой жизни»).

События октября 1917 г. в «Голосе Свободы» освещались негативно — как большевистский переворот, узурпация власти наиболее радикальной социалистической партией под прикрытием Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Если в марте-мае деятельность социал-демократов во главе с В.И. Лениным оценивалась положительно (перепечатки из большевистского «Социал-демократа»), то в конце сентября—начале октября возможность свержения демократического Временного правительства стала оцениваться как авантюра, создающая угрозу контрреволюции и препятствующая передаче власти Учредительному Собранию. Декреты «рабоче-крестьянского правительства» (которое наименовалось всегда в кавычках) подвергались резкой критике. «Государственная разруха и безвременье» уже не могли быть преодолены в масштабах всей страны и с помощью центрального правительства, публикуемые решения Сибирского областного съезда явственно указывали на отделение Сибири от России путем создания собственных органов управления. Неясность ситуации в столице приводила к тому, что в газете до 4 ноября помещались распоряжения уже свергнутого Временного правительства и речи А.Ф. Керенского в которых В.И. Ленин рассматривался как государственный преступник. «Конец 1917 года и начало 1918 года встречается в атмосфере острой борьбы между Учредительным Собранием и Советом народных комиссаров <...> Этим намечаются два пути — «путь жизни и путь смерти»», — такие неутеши-

тельные итоги для будущего страны подводились в последнем номере «Голоса Свободы» от 31 декабря 1917 г.

Итак, революция коренным образом видоизменила облик «Томских губернских ведомостей», внесла в нее новое содержание. Начав выходить как «Известия Томской губернии», газета затем слилась с «Голосом свободы», официальным изданием новой революционной власти в Томске и Томской губернии (Временного Комитета общественного порядка и безопасности, затем Томского губернского народного собрания). Необходимость в собственном ежедневном печатном органе была очевидной — население должно было оперативно информироваться о распоряжениях новой власти.

В общественно-политическом разделе, «Голос свободы» носил умеренно-социалистический характер, был органом томских эсеров и меньшевиков. В числе депутатов и в составе исполнительного комитета губернского народного собрания преобладали представители этих партий. К социалистам-революционерам принадлежал и редактор газеты — М.Б. Шатилов. Областные идеи как реакция на «большевистский переворот» были представлены в «Голосе свободы» материалами о деятельности Сибирского областного съезда в октябре 1917 года.

Кредит общественного доверия по отношению к новой официальной революционной прессе, занявшей место прежней официальной консервативной, был быстро исчерпан (возможно, что недоверие к печатным органам Временного правительства выросло из недоверия к каким-либо официальным органам вообще). На смену имперскому проекту правительственной печати пришел не менее долготелетний советский проект, развивавший наиболее жесткие формы коммуникации власть-общество, характерные для предшествовавшего периода — монополизация печатного слова, карающая цензура, монологичность, организационное и содержательное огосударствление прессы, ликвидация оппозиционных изданий. Сравнительный анализ двух моделей правительственной печати — императорской и советской России представляется весьма плодотворным исследовательским пространством для выявления и характеристики некоторых устойчиво воспроизводящихся в нашей стране особенностей исторического развития.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Государственный архив Томской области (далее — ГАТО). Р. 166. Рп. 1. Д. 1. Л. 3; Д. 11. Л. 39.
2. ГАТО. Р. 1138. Оп. 1. Д. 18. Л. 2; Р. 549. Оп. 1. Д. 12. Л. 33.
3. ГАТО. Р. 549. Оп. 1. Д. 3. Л. 104, 110; Д. 4. Л. 83.
4. ГАТО Р. 549. Оп. 1. Д. 3. Л. 2, 22, 45, 45Об
5. Бондаренко А.А., Нам И.В. Шатилов Михаил Бонифатьевич // Томск от А до Я: Краткая энциклопедия города / Под ред. Н.М. Дмитриенко. Томск, 2004. С. 416).
6. ГАТО. Р. 1138. Оп. 1. Д. 14. Л. 20, 39, 47, 51, 83; Д. 18. Л. 7, 62, 65, 86, 96.
7. ГАТО. Р. 1138. Оп. 1. Д. 14. Л. 20, 39, 47, 51, 83; Д. 18. Л. 7, 62, 65, 86, 96; Р. 166. Оп. 1. Д. 11. Л. 188, 240, 253, 311.
8. ГАТО. Р. 1138. Оп. 1. Д. 18. Л. 1.